

УДК 821.113.3-312.4

ББК 84(4Исл)-44

И60

Серия «Триллер по-скандинавски»

Arnaldur Indriðason

MYRKRIÐ VEIT

Published by agreement with Forlagið, www.forlagid.is
and BANKE, GOU MEN & SMIRNOVA Literary Agency, Sweden

Перевод с исландского *Ольги Маркеловой*

Оформление обложки *Елены Лазаревой*

Индридасон, Арнальд.

И60 Тьма знает: [роман] / Арнальд Индридасон; –
[перевод с исландского Маркеловой О.]. – Москва :
Издательство АСТ, 2023. – 352 с. – (Триллер по-
скандинавски).

ISBN 978-5-17-148628-0

В безмерных глубинах ледника Лангйёкютль находят замороженное тело бизнесмена, бесследно исчезнувшего тридцать лет назад. Преступление тогда так и осталось нераскрытым.

Полиции ничего не остается, как вновь арестовать тяжело больного подозреваемого Хьяльтали, которого в свое время так и не удалось упрятать за решетку.

Конрауд, полицейский в отставке, возобновляет собственное расследование этого дела, которое десятилетиями не давало ему покоя. Перед смертью Хьяльтали просит Конрауда найти настоящего убийцу и отомстить за все страдания, терзающие его душу.

Когда ночью к Конрауду приходит пьяная женщина со странной пугающей информацией, полученной от ее трагически погибшего брата, наконец-то появляется новая зацепка, которая может привести к настоящему преступнику.

Но хватит ли сил Конрауду раскрыть страшные секреты, копившиеся десятилетиями, и жестокую правду, способную разрушить множество жизней?

УДК 821.113.3-312.4

ББК 84(4Исл)-44

© Arnaldur Indriðason, 2017

© Маркелова О., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-148628-0

Это произведение — художественный роман.

*Имена, персонажи и события
полностью являются вымыслом автора.*

Тяжко сердцу от тоски
(тьма так много знает).

Так и зелень у реки
глушат черные пески;
лед на склоне трещины пронзают.

— *Йоуханн Сигюрйоунссон* *

* Знаменитая в исландской словесности колыбельная Хатлы из пьесы Йоуханна Сигюрйоунссона «Горный Эйвинд» (1912 г.).

День выдался необыкновенно погожий. Она некоторое время посидела вместе со всеми, наслаждаясь солнцем и отдыхая от ходьбы, порылась в своем рюкзаке в поисках свертка с едой, полюбовалась ледником, — и тут ее взгляд упал на наст, и она увидела: из него выглядывает человеческое лицо.

Через миг она осознала: да, именно так и есть! Едва до нее дошло это, как она вскочила, и тишину над ледником прорезал ее пронзительный крик.

Туристы-немцы вздрогнули. Они сидели повсюду вплотную друг к другу — и не поняли, что стряслось, когда их гид — взрослая исландка, обычно такая уравновешенная и неробкая, вдруг нарушила тишину.

Накануне они поднимались на Эйяфьятлайёкюдль. Этот ледник стал популярен у туристов после знаменитого извержения, случившегося несколько лет назад — тогда вулканический пепел из кратера под ледником парализовал авиасообщение во всей Европе. Сейчас толстый слой пепла, в ту пору покрывший окрестности, в основном уже исчез: его сдуло или смыло. Склоны гор вновь приобрели свой естественный цвет, и земля пришла в себя после стихийного бедствия.

Поездка должна была занять десять дней, и за то время было запланировано восхождение на четыре ледника. Примерно неделю назад они выехали из Рейкья-

вика на специально оборудованных машинах, которые могут въезжать на ледник. Ночевали в хороших гостиницах Южной Исландии. Туристы ни на что не жаловались. Они все были друзьями из немецкого автопромышленного города Вольфсбурга, и денег у них хватало. На ледниках подавали роскошные обеды, а по вечерам, после спуска с гор, устраивали застолья. Проводились достаточно длинные походы по льду с привалами и перекусами. Группе особенно повезло с погодой. В том сентябре каждый день в небесах сияло солнце, и туристы постоянно спрашивали гида о глобальном потеплении и о том, как на Исландию повлияет парниковый эффект. Пару десятилетий назад она несколько лет изучала литературу в Гейдельберге и свободно говорила по-немецки, и в этой поездке звучала только немецкая речь — кроме этих самых двух английских слов: «global warming».

Она рассказала им, как в последние годы менялся климат. Что лето становилось теплее, солнечных часов замерялось больше, но на это никто не жаловался: в Исландии летом погода может быть очень непостоянной, порой тепла не дождешься несколько дней, а то и недель подряд. И что зимы стали мягче, снегу выпадало меньше, хотя зимняя темнота никуда не делась. Но наиболее заметным изменением в ландшафте были ледники: они быстро уменьшались — в качестве яркого примера она привела Снайфельсйёкюль: от его бывшего величия осталось лишь воспоминание.

Последним ледником, который они осмотрели во время поездки, был Лангйёкюль — и его состояние тоже оставляло желать лучшего. Она рассказала группе, что в тысяча девятьсот девяносто седьмом и тысяча девятьсот девяносто восьмом годах у него убавилось целых

три метра. За последние годы ледник уменьшился на целых три с половиной процента. В школе гидов ее учили всегда держать наготове подобные цифры. Она рассказала немцам, что ледники покрывают одиннадцать процентов площади Исландии и что запас воды в них равен сумме осадков за двадцать пять лет.

Ночевали они в Хусафетле, а восхождение на ледник начали примерно в одиннадцать часов. Группа подобралась удачная: большинство в ней было в хорошей форме и с отличным снаряжением, в альпинистских ботинках и защитной одежде. Сложных случаев не возникло, никто не заболел, никто не жаловался и не портил другим настроение, все, как могли, наслаждались поездкой. Они долго шагали вдоль кромки ледника, но вот ступили на лед и начали восхождение. Под ногами скрипел снег, на поверхность то тут, то там просачивались большие и малые ручейки. Она шла впереди и чувствовала, как навстречу поднимается прохлада ледника и овекает лицо. Они заметили, как по ледяному простору мчатся люди на джипах и снегоскутерах. Немцы спросили, насколько такой вид спорта популярен в Исландии, а она не смогла ответить ни утвердительно, ни отрицательно. Они часто задавали вопросы, которые заставляли ее врасплох, даже если она хорошо подготавливалась. Один такой прозвучал сегодня за завтраком: в Исландии производят сыры?

Она записалась на курсы гидов уже после того, как туризм в Исландии набрал силу. А до того восемь месяцев была безработной. Во время кризиса она лишилась квартиры, потому что больше не смогла выплачивать ипотеку. Ее возлюбленный переехал в Норвегию: он был плотником, и там для него было много работы. Он за-

явил, что больше не вернется в эту поганую страну, которую полнейшие идиоты довели до разорения. Кто-то сказал ей, что скоро расцветет турбизнес. Крона упала — ниже некуда, для туристов все было невероятно дешево. Когда эти прогнозы подтвердились, она пошла учиться на гида — и выучила, что приезжающие сюда туристы любят Исландию, ее пейзажи, чистый воздух и тишину.

Но про трупы, вмерзшие в ледник, она там ничего не учила.

Туристы-немцы сгрудились вокруг нее и следили за ее взглядом, обращенным туда, где виднелась человеческая голова, как будто пытающаяся вырваться из-под льда.

— Что это? — спросила одна женщина из группы, подходя ближе.

— Это человек во льду? — задала вопрос другая женщина, рядом с ней.

Лицо было почти все скрыто тонким слоем снега, но все же можно было различить нос, глазницы и большую часть лба. Других частей головы было не видно, и очертаний тела под льдом не угадывалось.

— Что с ним случилось? — задумчиво произнес третий турист. Она знала, что он — врач на пенсии.

— Он там долго пролежал? — спросил кто-то еще.

— По-моему, да, — ответил врач, опускаясь на колени над лицом. — Он явно не вчера замерз.

Он осторожно расчистил снег голыми руками, и лицо под ледяной коркой стало видно лучше.

— Не надо было ничего трогать, — назидательно произнесла его жена.

— Все в порядке. Я больше ничего делать и не буду, — ответил врач.

Он поднялся. Взорам остальных предстало лицо, как будто осторожно вылепленное на блестяще-белой корке тончайшего фарфора, могущей треснуть от малейшего прикосновения. Было сложно сказать, как долго этот человек пролежал на леднике, — но лед обошелся с ним бережно, сохранил его и защитил от тления и гниения. Им показалось, что, когда несчастного постигла его участь, ему было около тридцати лет. Лицо у него было широковатое, рот большой, зубы крепкие, глаза глубоко посажены над симпатичным носом. Волосы на голове были густые и светлые.

— Ты ведь уведомишь полицию, душечка? — спросила жена врача, повернувшись к гиду.

— Да, конечно, — рассеянно ответила та, не сводя глаз с лица. — Конечно. Сейчас же.

Она вынула телефон, зная, что в этой части ледника сотовая связь есть: специально проверяла. Она всегда старалась быть в зоне действия сотовой связи или радиосвязи: мало ли что может случиться. В службе спасения на «горячей линии» ей тотчас ответили, и она описала находку.

— Мы недалеко от ледника Гейтландсйёкютль, — добавила она, объяснив ситуацию, и посмотрела на обрывистую скалу, по которой и получила имя юго-западная часть ледника.

Ледник уменьшался постоянно. Готовясь к поездке, она где-то прочитала, что, если так будет продолжаться, к началу следующего столетия он и вовсе исчезнет.

Когда он наконец вышел вон, в метель, он был изрядно пьян. Он уже долгое время не мог найти в баре своего друга и подумал, что тот ушел домой. Они оба, как обычно, довольно рано зашли в этот спорт-бар, и матч был очень интересный, а потом он разговаривал с какими-то незнакомыми парнями, а Инги стал молчалив. Такое часто бывало, когда тот пил: ни слова из него не вытянешь.

Он втянул голову в плечи, поплотнее обернул свое худощавое тело курткой и двинулся навстречу метели. На одежду начал налипать снег, и ему стало ужасно холодно, и он ругался, что не надел зимний комбинезон, который носил на работе: плотный, теплый, подходящий для любой непогоды. Зимой часто бывало трудно заставить себя по утрам вылезать из теплой бытовки на стройплощадку. Две чашки кофе, сигарета и синий зимний комбинезон очень помогали в этом. Это было не сложно. Это были простые вещи, но наслаждаться ими нужно было уметь. Футбол и холодное пиво из-под крана. Кофе и сигарета. И теплый комбинезон зимой.

Он ускорил шаг по тротуару, и мысли у него были такими же путанными, как и его следы на снегу.

Он никак не мог забыть того человека. Пока они сидели у стойки бара и разговаривали, тот казался ему знакомым, но он далеко не сразу понял, кто это: там было

темно, а тот человек был в кепке с козырьком, сидел, наклонив голову, и не поднимал лица. Они немного пообсуждали матч, и выяснилось, что оба болеют за одну и ту же команду. В конце концов он не утерпел и начал говорить о холме Эскьюхлид* и прямо спросил того человека, не встречались ли они с ним там. Не помнит ли он его.

— Нет, — ответил тот и посмотрел из-под козырька, и тут больше не осталось сомнений в том, кто он.

— Ведь это ты был, да? — обрадовался он. — Это же ты был! Ты меня помнишь? Просто не верится! А лёгги** с тобой когда-нибудь говорили?

Тот человек ничего не ответил, но наклонил голову еще ниже. Но он не сдавался и сказал, что несколько лет назад рассказывал об этом полиции, но только она не приняла его в расчет. Ведь полиция таких сообщений получает целый миллион, а он, когда это произошло, был еще мальчишкой, и может быть...

— Отстань от меня, — сказал тот человек.

— Что?

— Понятия не имею, о чем ты болтаешь. Отстань! — рассердился тот человек, встал и решительно вышел из бара.

А он остался сидеть в одиночестве и все еще не верил, что это именно тот самый человек, когда сам на неверных ногах покинул заведение. Он перебежал улицу Линдаргата, думая, что надо как можно скорее сообщить в по-

* Большой холм в Рейкьявике, недалеко от центра, поросший лесом. На его вершине стоит теплоцентраль Пертла, основную часть которой составляют резервуары с горячей водой. (В наше время теплоцентраль больше не используется по прямому назначению, а превращена в выставочный центр). В минувшие десятилетия этот холм был пристанищем социальных маргиналов.

** Лёгга (lögga) — исландское разговорное прозвище полицейских (от исл. „lögregla“ — «полиция»).

лицию, — а видимость между уличными фонарями была почти нулевая. Он уже подходил к противоположному тротуару, как вдруг у него возникло ощущение, что он в смертельной опасности. Вся окрестность озарилась светом, и сквозь вой метели он услышал стремительно приближающийся рокот мотора. И вдруг его подбросило в воздух, он ощутил во всем теле жуткую боль и ударился головой о голый асфальт в том месте, где с него был соскоблен снег.

Шум автомобиля отдалился, и все вновь стало тихо, если не считать воя бури: вьюга бушевала над ним, вокруг него. Забиралась под куртку. Он не мог пошевелиться, у него болело все. Но больше всего голова.

Он попытался позвать на помощь, но не смог издать ни звука.

Он не знал, сколько времени прошло. Вскоре он потерял чувствительность. Ему уже не было холодно. Алкоголь притуплял ощущения. Он думал о цистернах с горячей водой на Эскьюхлид, о том, как весело было там играть, и о том, чему он стал свидетелем в детстве.

Он был уверен: они раньше встречались.

Это был тот самый человек.

Абсолютно точно: он.

3

Когда мобильник начал звонить, Конрауд открыл глаза. Ему так и не удалось заснуть. Как обычно. Таблетки. Красное вино. Медитация без какого-либо определенного направления. Ничто из этого не могло победить бессонницу.

Он не мог вспомнить, куда дел телефон. Иногда тот лежал на ночном столике. Иногда — в кармане каких-нибудь брюк. Однажды он несколько дней не мог отыскать телефон, а в конце концов обнаружил его в багажнике машины. Он вышел из спальни в гостиную, пошел на звук в кухне — там-то на столе и лежал гаджет. За окном стыла темным-темная осенняя ночь.

— Прости, Конрауд, я тебя наверняка разбудила, — прошептал женский голос в динамике.

— Нет.

— Кажется, тебе нужно подъехать к нам в морг.

— А почему шепотом?

— А разве я шепчу?

Женщина откашлялась. Ее звали Сванхильд, и она была патологоанатомом в Центральной больнице.

— Ты новости слышал? — спросила она.

— Нет, — ответил Конрауд, стряхивая с себя апатию. Он копошился в старых бумагах своего отца, и бессонница на этот раз случилась у него частично из-за этого.

— Они привезли его к нам часов в восемь, — сказала Сванхильд. — Они его нашли.

— Нашли? Кого? Кто?

— Немецкие туристы. На леднике Лангйёкютль. Он был подо льдом.

— На леднике?

— Это Сигюрвин, Конрауд. Сигюрвин нашелся. Они обнаружили его труп.

— Сигюрвин?

— Да.

— Сигюрвин? Нет, разве... о чем ты?

— Через столько лет, Конрауд. Просто невероятно. Я решила спросить, не захочешь ли ты взглянуть на него.

— Ты не выдумываешь?!

— Знаю, это невероятно — однако это он! Сомнений нет.

Конрауд опешил. Слова Сванхильд звучали изда- лека, словно из глубин странного забытого сна. Эти слова он не чаял услышать. Никогда. Слишком уж много вре- мени прошло. Однако он как будто всегда ждал подоб- ного звонка, этих вестей из далекого прошлого, которое, тем не менее, не прошло, а всюду продолжало следовать за ним как тень. И когда эти вести наконец пришли, они выбили его из седла.

— Конрауд?

— Просто не верится, — сказал он. — Сигюрвин? Сигюрвина нашли?

Конрауд опустился на стул у кухонного стола.

— Да. Это Сигюрвин.

— Немецкие туристы?

— Да. На леднике Лангйёкютль. Какие-то ученые заявляют, что с тех пор, как пропал Сигюрвин, ледник

значительно уменьшился в размере. Ты вообще новости слушаешь? Это из-за парникового эффекта. Я решила: наверное, тебе захочется его увидеть до того, как у нас тут завтра с утра все завертится. Он хорошо сохранился во льду.

Конрауд совсем растерялся.

— Конрауд?

— Да.

— Ты не поверишь: он так отлично выглядит!

Конрауд рассеянно оделся. Перед тем, как выйти к машине, он посмотрел на часы. Было почти три. Он покати́л по пустым улицам из Аурбайра*. Сванхильд больше тридцати лет проработала в Центральной больнице. Они знали друг друга очень давно. И он был благодарен ей за эту новость. По дороге он думал о леднике, о Сигюрвине и о том, сколько времени прошло с его исчезновения. Его искали в портах и на берегу, в расщелинах и канавах, в домах и машинах, — но про ледник никому и в голову не пришло. Он думал обо всех тех, с кем тогда говорила полиция на эту тему, но покуда не видел никакой связи с поездками к леднику.

Он въехал на проспект Миклабрёйт, не встретив ни одной машины. В начале девяностых они с Эртной переехали в небольшой таунхаус в Аурбайре, и там он всегда чувствовал себя неуютно. Он был истым уроженцем центрального района, вырос в Теновом квартале**. А вот Эртна была довольна, и их сын тоже: он ходил в отличную школу в том районе, у него были друзья, и он

* Район на востоке Рейкьявика. В нем находится музей старых домов и две параллельно текущие речки под названием Этлидараур, вокруг которых расположена поросшая лесом долина.

** Теновой квартал (Skuggahverfi) — участок в центре Рейкьявика к северу от улицы Лейгавегюр около берега моря.

создавал себе сказочные миры между горкой в Ауртуне и реками Этлидараур. Конрауду казалось, что эта местность — какая-то абсолютная окраина, он считал, что она не имеет ни с чем в столице никакой связи, а напоминает остров, населенный недотепами, которым не на чем отсюда уплыть. Ему не нравилось, что средоточиями общественной жизни в этом районе были маленькие продуктовые магазинчики, — но при этом он называл их единственными оплотами культуры в той местности. Он утверждал, что если судить по мусору на улицах, то в «Lion Bar» едят больше всего в стране. Когда Эртне надоедало его ворчание, он нехотя соглашался, что красивая природа близ рек Этлидараур все-таки скрашивает впечатление от этого кошмарного шоссе на Ауртунской горке с вечным шумом машин и выхлопными газами.

Он припарковался у морга и запер машину. Сванхильд ждала у дверей. Она открыла ему и провела внутрь, молчаливая и серьезная. На ней был медицинский халат и белый фартук, а на голове какой-то убор из сетки и картонки, делавший ее похожей на сотрудника пекарни. Она имела отношения к различным делам, которыми занимался Конрауд, когда еще работал в полиции в отделе расследований.

— Они вырезали лед вокруг него и так привезли в морг, — сказала она, подходя к одному из железных столов.

Всю его длину занимала быстро тающая глыба льда. Из нее торчало тело, настолько хорошо сохранившееся, как будто тот человек отдал Богу душу только вчера, — если не считать, что его кожа имела необычайно твердую и блестяще-белую фактуру. Руки лежали по швам, го-